

Там, на пороге, словно застыв на другом берегу неумолимого времени, стояли двое. Высокий, длинноногий парень с белоснежной шевелюрой как раз потирал ушибленный затылок. Его приятель, темноволосый, с собранными в аккуратный пучок волосами, аккуратно притворял за собой дверь.

— Сатору, полегче, — негромко бросил он своему непутевому однокласснику. — Учитель Яга всё услышит.

— Да я специально, пусть знает! — Годжо продолжал тереть здоровенную шишку на макушке.
— О, так это и есть тот самый новенький, про которого он все уши прожужжал?

Харе взглянул на эту до боли знакомую белобрысую макушку, темные очки, красивое лицо и нахальную ухмылку. Вся его внезапная робость вмиг улетучилась, уступив место невероятному облегчению. Напряжение в плечах исчезло, а на губах сама собой заиграла улыбка. Надо же, совсем не изменился. Этот придурковатый блондин — определенно его отец.

«Интересно, время вообще властно над этим парнем? Или отец втайне изобрел какую-то омолаживающую технику? На старых кассетах он выглядел точно так же, разве что сейчас в его поведении сквозило чуть больше ребячества и дерзкой дурости»

— Па... кхм, здравствуйте, сэмпай! Меня зовут Ха... — Харе мгновенно запутался в словах.

Сердце предательски ухнуло в пятки: он едва не выпалил «папа» и чуть не назвался фамилией Гето.

Юноше, стоявшему в расстегнутой куртке, вдруг стало невыносимо жарко. Густая краска залила лицо, доползая до самых кончиков ушей. Он смущенно отвернулся и тихонько цыкнул, сокрушаясь, что так глупо запорол первое впечатление.

Но не успел он окончательно пасть духом, как Сугуру, заперев дверь, повернулся к нему. Заметив замешательство новичка, он мягко улыбнулся, отчего его узкие глаза прищурились еще сильнее.

— Добро пожаловать. Мы ведь почти ровесники, так что брось эти церемонии. Обращайся на «ты» и зови по именам. Я — Гето Сугуру. Этого оболтуса зовут Годжо Сатору. Ну а с Сёко ты, полагаю, уже знаком.

Сугуру говорил спокойно и неторопливо, мастерски сглаживая неловкую паузу. Харе завороченно разглядывал его: иссиня-черные волосы, уложенные в аккуратный пучок, круглые черные серьги-гвоздики, та самая прядь, спадающая на лоб, и хитрый, раскосый разрез глаз... Всё в точности совпадало с рассказами тётушки Сёко.

Харе замер, боясь даже сморгнуть, и окончательно пропустил все слова мимо ушей. Перед ним

стоял Гето Сугуру. Живой. Настоящий.

«Мама...»

Проклятая энергия Сугуру ощущалась невероятно мягкой, похожей на струящуюся сквозь пальцы теплую воду. От этого тепла у Харе мгновенно защемило в груди, а к глазам подступили слезы. Ведь он видел маму впервые в жизни.

Эмоции взяли верх над разумом. Прежде чем Харе успел сообразить, что творит, он сделал широкий шаг вперед и с разбегу уткнулся носом в грудь Сугуру, стиснув его в отчаянных объятиях.

У того от неожиданности даже глаза округлились. Опешив от столь бурного натиска, Сугуру застыл с неловко разведенными руками. Он растерянно посмотрел на прижавшегося к нему паренька, а затем повернулся к Годжо, безмолвно вопрошая: «Это еще что за новости?»

Сугуру недоумевал.

Сатору, само собой, завис с точно таким же выражением лица.

«Но Учитель Яга только что велел тебе приглядеть за ним! Сказал, что у него глаза точь-в-точь как твои!» — кричал безмолвный взгляд Сугуру.

«Да откуда мне знать, какая муха его укусила!» — столь же красноречиво отозвался Сатору.

Пока они вели этот беззвучный диалог, Харе и не думал отпускать свою добычу. Сатору устоял на руки новоиспеченного одноклассника, плотно обхватившие талию Сугуру, и внутри у него шевельнулось глухое раздражение. Это походило на капризную кошачью ревность: «Сугуру — моя личная когтеточка, я его первый обнюхал и пометил своим запахом! Какого черта этот приبلудный котенок тут лапы распускает?»

Голубые глаза «божественного дитя» сощурились за темными стеклами очков. Сатору смерил новичка оценивающим взглядом, недовольно поджав губы. Ишь какой шустрый, личных границ вообще не признаёт!

Впрочем, «Шесть глаз» уловили кое-что поинтереснее. Слегка опустив очки на переносицу, Сатору склонил голову набок и впился взглядом в сияние чужой проклятой энергии. Его лазурные глаза зафиксировали странную аномалию: только что аура новенького была тихой и ровной, но стоило ему прижаться к Сугуру, как энергетические потоки взбесились, заматавшись дикими скачками, словно кривая на сломанном кардиографе. От этого визуального хаоса у Сатору даже в глазах заребило.

— Охо-хо... Так вот они какие, эти двое, — раздался в голове Харе знакомый, низкий и

бархатистый голос Сукуны. Проклятие глумливо усмехнулось, заметив поразительное сходство между энергетическим фоном мальчишки и аурой стоявших перед ним парней.

Харе вздрогнул. Наваждение рассеялось, уступив место паническому осознанию реальности. Поняв, как глупо выглядит со стороны, он поспешно отпрянул от Сугуру и сделал несколько шагов назад.

— Извините! — выпалил он, отчаянно краснея. — У нас в деревне... э-э... так принято здороваться!

Пока он лихорадочно придумывал оправдания, в мыслях вновь зазвучал язвительный смешок Короля Проклятий:

«Да неужели? А со мной ты, помнится, поздоровался тем, что вспорол мне брюхо»

Эта тварь явно издевалась. Харе едва сдержался, чтобы не рявкнуть вслух: «Сам виноват, урод!» Вовремя прикусив язык, он мысленно выдохнул. Начни он сейчас спорить с пустотой — и его точно упекут в дурку прямо в первый же день.

Харе глубоко вдохнул, пытаясь совладать с ураганом чувств. Его швыряло от дикого восторга из-за встречи с родителями до белого каления из-за выходов засевшего в нем паразита. В конце концов он мысленно пригрозил:

«Заткнись! Слышишь? Чтобы ни звука от тебя не было!»

Ожидать от Сукуны послушания было бы верхом наивности. Раскинувшись на горе черепов в своем врожденном мире, он лениво усмехнулся, собираясь проучить наглого щенка и показать ему, на кого тот смеет тявкать. Однако стоило ему приоткрыть рот, как наружу не вырвалось ни звука.

Алая цепь, обвивавшая его лодыжку, ярко вспыхнула. Похоже, указ мальчишки сработал как непреложный приказ для ментальных оков. Сукуна вперил взгляд четырех багровых глаз в мерцающие звенья. На его лице проступило редкое для него замешательство, которое тут же сменилось бешеной злобой.

Поскольку сделать он всё равно ничего не мог, тысячелетний Король Проклятий, умудрившийся сесть в лужу из-за какого-то сопляка, лишь недовольно фыркнул, закрыл все четыре глаза и демонстративно завалился спать.

В голове наконец воцарилась тишина. Харе даже удивился такой покладистости и мысленно похвалил себя: глядишь, если найти к этому монстру правильный подход, они вполне смогут ужиться без лишней крови.

Чтобы замаять неловкость, Харе, закончив сбивчивые объяснения с Сугуру, повернулся ко второму родителю, намереваясь закрепить успех еще одним крепким объятием.

Разгадав его намерения, Сатору даже не шелохнулся. Он так и стоял, засунув руки в карманы брюк и чуть вздернув подбородок с хитрой, издевательской ухмылкой. Сугуру и Сёко, знавшие эту гримасу как облупленную, переглянулись. В мыслях обоих промелькнула сочувственная эпитафия новенькому: «Сейчас этот придурок что-то выкинет».

Предчувствие их не обмануло. Харе шагнул вперед, но врезался в невидимую преграду. Техника «Безграничности» сработала безупречно, оставив между ними пару сантиметров пустоты.

— Хе-хе! — издевательски выдал Сатору.

Харе лишь мысленно вздохнул.

«Очень смешно, папа. Обхохочешься»

Ему стоило огромных усилий не закатить глаза.

«Детский сад! Я ведь тоже так умею, папочка! Просто палиться нельзя...»

Спрятав руки, Харе принялся сосредоточенно застегивать пуговицы на куртке, обиженно надув губы. Больно надо было! Не хочет обниматься — и скатертью дорога.

— Так как тебя зовут, говоришь? — Сатору наконец соизволил вытащить руки из карманов и бесцеремонно закинул локоть на плечо Сугуру, навалившись всем весом и заставив того согнуться.

Теперь их лица оказались на одном уровне с лицом Харе. Белобрысый тоже подался вперед, сгорая от любопытства.

Когда оба родителя — живые, молодые и такие настоящие — нависли над ним почти вплотную, Харе растерялся и инстинктивно отступил назад.

— Ну и зрелище. Выглядите как парочка гопников, которые зажали приличного мальчика в подворотне, — подала голос Сёко, подпирая плечом колонну.

Сугуру попытался сбросить с себя чужую руку:

— Сатору, ты тяжелый. А ну слезь.

— Ой да ладно тебе! Это просто ты у нас такой слабенький, а я даже не напрягался, — хмыкнул нахал.

Вместо того чтобы отпустить друга, он еще крепче обхватил его за шею, прижимая к своему плечу. Сугуру оказался в крайне неудобном положении, практически уткнувшись лицом в грудь Сатору. А уж слова этого придурка прозвучали для него как чистой воды вызов.

— Сатору, ты напроситься хочешь? — процедил Сугуру.

— Хе-хе, если тебе так не терпится помахать кулаками — валяй один. А я проголодался и иду есть!

«Чего-чего?» — Харе окончательно запутался.

«Серьезно? Они всегда так общаются? Почему меня никто не предупредил, что мама в юности была тем еще хулиганом? Он ведь первый драку предложил! Погодите... Они что, реально сейчас сцепятся? Блин, почему мне так хочется на это посмотреть?»

«Так, отставить! Никаких драк, а то я запутаюсь, за кого болеть... И вообще, они ведь знакомы-то всего ничего, а уже так не отлипают друг от друга...»

Пока в голове Харе бушевал ураган мыслей, внешне он оставался самоопределением дружелюбия. Подавив глупую улыбку, он поспешил вернуть беседу в нормальное русло, благоразумно умолчав о своей фамилии:

— Меня зовут Харе.

— Ха-ре? — Сатору протянул имя по слогам.

В этот момент он до боли напоминал того взрослого Годжо из старых видеозаписей. У Харе снова предательски защемило в груди, а к горлу подступил горький ком.

Но меланхолию тут же развеял недоуменный возглас юного мага:

— В смысле — «ясно»? Что за дурацкое имя? Родители вообще не заморачивались, да? Если у тебя родятся брат или сестра, их как назовут? Дождливый день? Или Снегопад?

Он спросил это с совершенно искренним любопытством. Харе мысленно застонал.

«Верните мне мои нежные чувства, немедленно!»

— Это отец придумал, — попытался оправдаться Харе, припоминая историю из семейного архива. — Он рассказывал, что в день их первой встречи на улице было удивительно ясно. Небо было пронзительно-синим, без единого облачка. Мама тогда стояла под цветущей сакурой в простой белой футболке и смотрела вверх. Отец говорил, что влюбился с первого взгляда. Вот в память о том дне меня так и называли.

— Ой, да ладно тебе, — фыркнул Сатору. — Обычная байка для доверчивых детей. Да и вообще, зачем вешать на ребенка воспоминания предков? Глупость какая-то. Дети — это самостоятельные личности, а не ходячие сувениры их любовных походов.

Сатору искренне не понимал подобного сентиментализма. В его сытой и безмятежной юности еще не было места сокрушительным потерям и невыносимой тоске по ушедшим.

Сугуру слегка нахмурился и укоризненно пихнул приятеля в бок:

— Сатору, имей совесть. Нельзя так отзываться о чужих родителях. — Повернувшись к Харе, он мягко добавил: — Ты не обижайся на него. Он не со зла, просто дурак.

Харе хитро прищурился. В этой улыбке промелькнуло что-то пугающе знакомое — точь-в-точь как у Сатору, когда тот задумывал очередную пакость.

— Да ладно, всё нормально. Мне и самому рассказывали, что мой папаша частенько бывал тем еще придурком.

Почувствовав поддержку, Сатору тут же оживился:

— Вот! Видишь, я же говорил! Мало того что безответственный, так еще и жутко слащавый. Вон у этих заносчивых индюков из клана Дзэнъин полно таких маразматиков. Сядут на совете и давай сопلي на кулак наматывать, вспоминая бывшее величие... Уши вянут!

Как будущему главе клана Годжо, Сатору регулярно приходилось высиживать эти невыносимо скучные собрания, полные лицемерных вздохов старейшин.

— Точно-точно! Жиза! — Харе закивал с таким энтузиазмом, что едва не свернул шею.

В свое время ему тоже довелось настрадаться на этих унылых клановых посиделках, и сейчас он испытывал искренний восторг от того, как сильно они с молодым отцом похожи.

Сугуру и Сёко, далекие от проблем великих кланов, лишь переглянулись. Но одну деталь они уловили безошибочно.

— Слушай, а ведь это описание... «несерьезный и ветреный» — вылитый ты, Сатору, — лениво

протянула Сёко.

— Что?! — тут же взвился тот. — Да быть не может! Я — сильнейший в этом мире! Как вы смеееете сравнивать меня с легкомысленным стариканом!

Сугуру лишь скептически приподнял бровь.

Сёко выразительно хмыкнула.

Харе понимающе усмехнулся.

Сатору уставился на них, выдав пантомиму оскорбленного в лучших чувствах кота.

— Эй! Это еще что за заговор? Вы что, решили упинать меня толпой?!

Вместо ответа троица дружно заулыбалась.

Сатору шутливо прихватил Харе за шиворот, притягивая к себе:

— Ну уж нет! Тащи сюда своего папашу, я ему лично всё выскажу...

— Их больше нет, — тихо обронил Харе.

Сатору мгновенно осекся и замолчал. Заметив, как помрачнели лица присутствующих, парень испуганно замахал руками:

— Ой, то есть... Я хотел сказать, их сейчас здесь нет! Вернее, в будущем они... Ай, ладно, забудьте! Короче, не берите в голову!

Под конец он совсем сник и тяжело вздохнул. Собственная неловкость ужасно раздражала — казалось, сегодня он только и делал, что порол чушь. Остальные трое удивленно переглянулись, но из вежливости расспрашивать не стали.

— Ладно, пошлите уже в столовую, а то закроется, — прервала затянувшуюся паузу Сёко.

Тут Сатору осенило, и он просиял:

— Стойте! Раз уж у нас прибавление, предлагаю отметить это дело! Идемте в город, я угощаю всех сочными стейками!

— Ура! Халява! — радостно вскинул руки Харе.

Но едва эхо его крика затихло, он удивленно огляделся. Кажется, кто-то поддержал его с точно таким же восторгом.

Обернувшись, он увидел проходящую мимо Пауэр. Демон крови, уперев руки в бока, вопила во всю глотку и неистово махала парням, плетущимся позади по мощеной дорожке:

— Слышь, Дэндзи! Хвостик! Бегом сюда! Тут какой-то лох раздает бесплатное мясо!

— Стейки?! Да ладно! — Дэндзи мгновенно оживился. — Я сожру не меньше десяти порций!

— Простите за беспокойство, — вежливо вздохнул Аки, утомленно потирая переносицу.

— Слышь, рогатая! Сама ты лохушка! — огрызнулся Сатору, но спорить не стал.

Шумная толпа весело повалила вниз по склону.

Техническая школа магии

Ближе к полудню Яга Масамичи неторопливо шел по коридору учебного корпуса. В руках он бережно нес конспекты вводного урока, составленные с особой тщательностью. Директор искренне хотел проявить заботу и тепло встретить нового ученика. Нацепив на лицо подобие приветливой улыбки, он ровно со звонком распахнул дверь класса.

В кабинете не было ни души.

Какое-то время Яга просто стоял на пороге. Улыбка медленно сползла с его лица, сменившись привычной гримасой обреченности. С тихим вздохом он аккуратно притворил дверь.

«Забота? Тепло? Да пошли они все к черту!»

Он изо всех сил пытался сохранить самообладание. Честно пытался. Но нервы не выдержали, и дверная ручка с хрустом разлетелась в его кулаке на мелкие щепки.